Динара Марданова

Хасан-Гата Габаши против миссионера Евфимия Малова: пример мусульманско-христианской полемики конца XIX в.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-343-372

Dinara Mardanova

Hasan ‘Ata Gabashi versus the Missionary Evfimiy Malov: An Example of Muslim-Christian Polemics of the Late 19th Century

Dinara Mardanova — Sh. Marjani Institute of History of Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia). dinara.mardanova@gmail.com

The article deals with the Muslim reaction to the Russian Orthodox missionaries’ challenge in the polemic work by Hasan ‘Ata Gabashi “Nur al-haqiqa” (1886). The author explores the internal mechanism of Islamic discourse, which works to protect the sphere of Muslim dogmatic (‘aqida) from the “alien” influence and is realized through the delineation of protective boundaries. As a defence tactic, Gabashi uses the strategy of refuting “false idea” or “false teaching” from ‘Ilm al-Kalam. The paper analyses the development of the narrative, the argumentation used by Gabashi and the behavior of those involved in the polemics. As he implements his “protective project,” Gabashi explores and criticizes Christian ideas in terms of his own discourse. As the Muslim author, Gabashi does not reject the entire Christian doctrine or the entire Bible, but selectively criticizes “distortions” that are contrary to Islam.

Keywords: Muslim-Christian relations, polemics, Muslims in the Russian Empire, Volga region, Orthodox missionaries.

Исследование выполнено при финансовой поддержке «Фонда исследований исламской культуры» в рамках гранта Ибн Сины № 2ИСГ/2018. Выражаю благодарность А.К. Бустанову за помощь с переводом рукописи Хасан-Гата Габаши «Нур ал-хакика», редакции журнала и анонимным рецензентам за ценные замечания и рекомендации.

О, Господи! Покажи нам истину истиной и позволь следовать за ней и покажи нам ложь ложью и позволь нам остерегаться ее.
Хасан-Гата Габаши «Нур ал-хакика»[1]

ПРОБЛЕМА интеграции мусульманского населения в европейское сообщество поставила перед Европой ряд фундаментальных вопросов, связанных не столько с определением географических границ, сколько с очерчиванием новых культурных границ, определением понятия «европейскость», выстраиванием отношений между мусульманами и христианами в традиционно «христианских» землях. В этой связи актуализировалась история России, в которой уже прежде предпринимались попытки интегрировать мусульманское население в христианское общество через политику христианизации и миссионерскую деятельность, а также меры по русификации нерусского населения.[2] Проводимые меры вызывали неоднозначную реакцию среди мусульман, о чем свидетельствует богатая историография этого вопроса, достаточно хорошо проработанная на примере Поволжья.

К проблеме миссионерской деятельности среди поволжских мусульман обращались в своих исследованиях М. Хабибуллин, А. Журавский, Р. Исхаков, П. Верт, Р. Джераси, А. Кефели и другие[3]. В частности, в поле интереса А. Журавского оказались миссионерские «противомусульманские» институты Казани[4]. Р. Исхаков изучал историю христианизации мусульманского населения, формы миссионерской деятельности Русской православной церкви и эволюцию подходов религиозного просветительства с последней трети XVIII по начало XX в.,

1. Одна из двух молитв (*дуа*), встречающихся в начале рукописи, за которой следуют следующие слова Габаши: «Сказав такое *дуа*, я приступил».
2. *Миллер А.* Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133–148.
3. *Хабибуллин М.* Михаил Александрович Машанов — профессор Казанской духовной академии, миссионер и исламовед. Казань: Алма-лит, 2006; *Джераси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
4. *Журавский А.* Православная миссионерская деятельность среди мусульман России / *Бессмертная О. и др.* Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема / Отв. ред. выпуска А.В. Смирнов. М.: Языки славянских культур, 2010.

методы борьбы мусульман за сохранение традиционной веры[5]. Интересное освещение «миссионерская» тема получила в исследовании П. Верта, изучавшего историю кряшен на территории Поволжья. По мнению автора, попытки правительства сконструировать гражданскую российскую нацию, напротив, еще более углубляли этнические различия; вместо того чтобы способствовать ассимиляции народов в империи, они препятствовали этому процессу, а их деятельность привела к появлению новой группы подданных — кряшен[6]. Интересный ракурс предложила А. Кефели, показав, как в условиях неоднородной религиозной ситуации смешивались исламские и христианские религиозные представления, что было характерно особенно для сельской местности, где границы религиозных традиций сильно размывались[7].

В продолжение «миссионерской» темы, в этой статье я предлагаю проанализировать мусульманскую реакцию на миссионерский вызов на примере полемического ответа-комментария (*шарх*) Хасан-Гата Габаши «*Нур ал-хакика*» (1886 г.). Выбранный ракурс позволяет проследить работу внутреннего защитного механизма исламского дискурса, который срабатывает для защиты вероучения от внешнего «чуждого» влияния и выражается в очерчивании охранительных границ.

Миссионеры и реакция на миссионерский вызов в Российской империи

Религиозная политика Российской империи в разное время выстраивалась по-разному в отношении разных конфессий. Государственный статус христианства определял ему положение господствующего исповедания[8], с официальной принадлежностью

5. *Исхаков Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII — начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011.

6. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

7. Kefeli, A. (2014) *Becoming Muslim in Imperial Russia. Conversion, Apostasy, and Literacy*. Cornell University Press.

8. Законы Российской империи отводили православию роль господствующей религии, в то время как другие исповедания имели статус «терпимых». Такое положение сохранялось вплоть до 17 (30) апреля 1905 г., когда был опубликован указ императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости». По мнению Д.М. Усмановой и А.Ю. Михайлова, во второй половине XIX века сохранялось господствующее положение православия. Подробнее см. *Усманова Д., Михайлов А.* Ис-

императора этой традиции. До середины XVIII века важную роль в отношениях имперских властей с присоединенными нерусскими народами играла религия, которая часто проявлялась в политике христианизации, служившей одним из основных инструментов интеграции «инородцев» в империю. К концу XVIII века, с расширением Российской империи — присоединением Крыма, началом проникновения на Кавказ и в степной регион — имперская система управления иноверцами усложнялась. С одной стороны, она строилась на ограниченной религиозной толерантности и государственном регулировании неправославных конфессий, а с другой — на лояльности нерусских элит в отношении к правящей династии. Активная миссионерская кампания среди мусульман была остановлена. Государство признало ислам терпимой верой и покровительствовало созданию исламских иерархических учреждений на восточной границе в Уфе (1788 г.) и в Крыму (1794 г.)[9]. Правительственная политика в отношении мусульман, по мнению Е. Кэмпбелл, не всегда совпадала с позицией и действиями Церкви, нередко имперская власть и Церковь по-разному выстраивали отношение с мусульманами[10]. В последней трети XIX века правительство отказалось от политики христианизации мусульман в качестве метода их интеграции в империю, христианизация сместилась на горизонтальный уровень, став частной инициативой отдельных лиц, пусть и осуществляемой при государственной поддержке. Примерами такой «горизонтальной христианизации» стали миссионерские проекты: 1) «система Ильминского»[11], предполагавшая христианизацию на родных языках; 2) полемические диспуты с мусульманами тюрколога, арабиста-исламоведа, миссионера Г.С. Саблукова (1822–1892) [12] и Е.А. Малова на русском языке. В рамках реализуемого церковью миссионерского проекта появилось сочинение

лам и православие в позднеимперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона): учебное пособие. Казань: Яз, 2014.

9. Campbell, E. I. (2015) *The Muslim Question and Russian Imperial Governance,* p. 7. Indiana University Press.

10. Ibid, p. 33–83.

11. Ильминский Николай Иванович (1822–1892) — русский востоковед, педагог-миссионер, библеист. Подробнее см. *Джераси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / пер. с англ. В. Гончарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 69.

12. Саблуков — автор первого опубликованного на русском языке перевода оригинального текста Корана (1877) и «Приложений к переводу Корана» (1879).

священника Казанской епархии Евфимия Александровича Малова «Об Адаме по учению Библии и по учению Корана», опубликованное в Казани в 1885 г.

Реакция на христианизацию и миссионерские проекты нашла отражение в богословских сочинениях мусульман. В хронологически более ранних сочинениях обсуждались вопросы повседневной жизни, такие как допустимые формы контактов с русскими, например: 1) в трактате *Габдрахима Утыза-Имяни (1754–1835) «Рисала-и дибагат»* («Трактат о выделке кож») обосновывается запрет на покупку кожи и шкур, выделанных христианами (в частности, русскими) и язычниками[13]; 2) в сочинении *«Тазкират ал-муниб»* («Наставление кающемуся») его автор *Шихаббаддин ал-Марджани (1818–1889)* запрещает мусульманам жениться на русских женщинах[14].

Позднее появились сочинения-опровержения — *раддиййа*, затрагивающие более теоретические вопросы богословского характера. *Раддиййи* можно поделить на две группы — неоригинальные сочинения арабских авторов, привезенные с мусульманского Востока либо переписанные в Волго-Уральском регионе; оригинальные трактаты местных авторов. К первой группе относятся такие сочинения как 1) *Абдаллах Тарджаман. «Тухфат ал-ариб фи-р-рад ʻала ахл-салиб»* («Ответ искусного христианам»)[15]; 2) *Хусейн бн Мухаммед ал-Джусур ат-Тараблиси*[16]. К группе оригинальных сочинений относятся: 1) *Хасан-Гата Габаши. «Нур ал-хакика» («Свет истины»)*[17]; 2) «*Казан миссионерларыннан Васильев диген кешеге карата язылган*

13. Сочинение написано на арабском языке, хранится в Центре письменного и музыкального наследия (ЦПМН) ИЯЛИ АНРТ. Подробнее см. *Габдрахим Утыз-Имяни*. Избранное / Сост. и пер. с араб. Р. Адыгамова. Казань: ТГГПУ, 2007. С. 96–109.

14. По ханафитскому праву запрещено выдавать дочь-мусульманку за христианина, при этом разрешено мусульманину жениться на христианках. Однако Марджани отходит от данной традиции, исключая русских из числа людей Писания, в качестве причины называется поклонение иконам. Подробнее см. *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане [1789–1889]: Исламский дискурс под русским господством, 2008. С. 600. *«Тазкират ал-муниб»* написана на арабском языке. Список 1880 г. хранится в ОРРК КФУ.

15. Рукопись на арабском языке, написана в 1420 г., во времена халифа Абу-л-Аббас Ахмада, правителя Туниса и его сына Абу Фариса Абд ал-Азиза и переписана в 1870-е гг. Хранится в ЦПМН ИЯЛИ АНРТ.

16. Рукопись без названия на арабском языке. Переписана в 1923 г. Хранится в ЦПМН ИЯЛИ АНРТ.

17. Рукопись на старотатарском языке в 1887. Хранится в ОРРК КФУ под шифром 120 Т, в ней 120 листов.

критика» («Критика взглядов миссионера Васильева по вопросам ислама»)[18]. Наряду с упомянутыми фондохранилищами, рукописи в жанре опровержения (*раддийя*) имеются также в Национальной библиотеке Республики Татарстан НБ РТ и в частных коллекциях.

Вероятно, по причине существующих цензурных ограничений на издание мусульманской литературы подобные богословские сочинения сохранились лишь в рукописном виде. Господствующее положение православия наделяло последнее исключительным правом вести среди подданных империи миссионерскую деятельность, с одновременным запретом прозелитизма другими конфессиями. Данные ограничения были закреплены на законодательном уровне[19], поэтому сочинения противохристианского или противомиссионерского характера, хотя и появлялись в рукописном виде, но не были широко распространены. Это было вызвано, вероятно, опасениями самих авторов (которые остерегались писать по данной теме), а также ограниченными возможностями самой рукописной традиции.

В числе подобных опровержений (*раддийя*) — рукопись Хасан-Гата Габаши «*Нур ал-хакика*» («Свет истины»), о которой далее пойдет речь.

Хасан-Гата Габаши и рукопись «Нур ал-хакика». Евфимий Александрович Малов и сочинение «Об Адаме по учению Библии и по учению Корана»

Автор рукописи Хасан-Гата Габаши (тат. Хәсәнгата Мөхәммәт улы Габәши) — видный общественный и религиозный деятель, историк, педагог, трижды избирался членом Оренбургского магометанского духовного собрания и исполнял обязанности шариатского судьи (*кади*). Родился в 1863 году в семье указного муллы в ауле Малый Сулабаш Казанского уезда, начальное образование получил у деда и отца. В возрасте 11 лет его отправили учиться в медресе А. Абдулгафарова «Гаффарийа» при Азимовской мечети Казани, где находился до 1890 года. За первые 12 лет изучил все предметы, входившие в курс медресе,

18. Рукопись на старотатарском языке в конце XIX в. Хранится в ЦПМН ИЯЛИ АНРТ.

19. Подробнее см. *Усманова Д., Михайлов А.* Ислам и православие в позднеимперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона). Казань: Яз, 2014. С. 39.

а в дальнейшем на протяжении 5 лет был *хальфой*, то есть помощником преподавателя. В медресе Гаффарийа придерживались традиционной так называемой старометодной системы образования[20]. Среди изучаемых предметов в учебном плане медресе были арабский язык, логика (*мантык*), философия (*хикмат*), мусульманское право и прочие исламские науки. Важное место в старометодном медресе отводилось догматическим диспутам и каламическим спорам между студентами[21]. Что касается светских предметов и естественных наук, то они не изучались. Габаши не ограничивался учебным планом медресе, параллельно осваивая русский язык, математику, географию, природоведение, историю и другие предметы. Такое разнообразие интересов свидетельствует о широте взглядов Габаши, его открытости к новым идеям и веяньям.

В 1886 г., будучи *хальфой*, Габаши пишет трактат «*Нур ал-хакика*» («Свет истины»), известное также под названием *«Ефим Маловка раддиййа»* («Возражение Ефиму Малову»), в котором вступает в богословскую полемику с известным казанским миссионером, священником и профессором Казанской духовной академии Маловым Евфимием Александровичем[22]. *«Нур ал-хакика»* написана на османизированном татарском языке, содержит большое количество арабских заимствований (порядка 70% всей лексики) и отдельные вкрапления персидской лексики. Хотя Габаши в своей автобиографии пишет, что сочинение читали в татарских научных кругах Казани и рукопись даже снискала похвалу самого Шихабаддина Марджани[23], тем не менее, количество сохранившихся списков рукописи (пока обнаружен лишь один список) свидетельствует о том, что рукопись,

20. На рубеже XIX–XX веков И. Гаспринский и его последователи, впоследствии названные «джадиды», предлагали реформировать систему школьного образования. Они предлагали сократить преподавание религиозных предметов, вместо них добавить изучение светских наук, русского языка, перевести обучение на звуковой метод.

21. Подробнее см. *Валидов Д.* Очерк истории образованности и литературы татар. Гос. изд-во, 1923.

22. *Тухватулин А.* Хасан-Гата Габаши (1863–1936) как общественный деятель и историк: Дис. канд. ист. наук. Казань, 2003; *Салихов Р.* Габаши, Хасангата // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Том I / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Вост. лит., 2006. С. 101–103.

23. *Габәши Х.-Г.* Тәрҗемәи халемнән, гыйлҗми һәм ижтимагый хезмәтләремнән беркадәресе // Фәнни Татарстан. 2015. № 3. С. 118–149; Шихабаддин Марджани (1818–1889) — ведущий мусульманский богослов и правовед, историк своего времени.

вероятно, не была столь широко распространена. Известно также, что Габаши пытался опубликовать сочинение, отправив список в Петербург цензору, востоковеду-тюркологу Василию Дмитриевичу Смирнову. Однако, несмотря на предпринятые усилия, произведение так и не было издано (вероятно, по цензурным соображениям).

Наш интерес к данной рукописи вызван несколькими причинами. Хотя трактат написан впоследствии известным автором, тем не менее, само произведение сложно назвать образцово-показательным примером сочинения-раддиййа. Оно написано совсем еще молодым Габаши (на момент написания ему было 23 года) и, судя по всему, это его первое богословское сочинение, что прочитывается не только в языке, структуре, манере изложения, но и в стиле работы. Однако с учетом исторической ситуации, связанной с запретом на подобного рода сочинения, можно предположить, что Габаши в силу юного возраста не испугался написать противомиссионерское сочинение, тем самым выступив выразителем «летающих» в воздухе идей и настроений. Рукопись интересна также в связи с тем, что это ответ на сочинение хорошо известного в Казани священника и миссионера Евфимия Малова.

Прежде чем переходить непосредственно к рукописи, следует сказать несколько слов о сочинении «Об Адаме по учению Библии и по учению Корана» и его авторе — Е.А. Малове, послужившими причиной для написания «Нур ал-хакика».

Известный в истории Казани и Казанской епархии крупный церковный деятель, священнослужитель, миссионер, ученый и тюрколог Евфимий Александрович Малов (1835–1918) родился в Симбирской губернии в семье дьякона. Во время учебы в академии Малов начал ездить по мусульманским учебным заведениям и дискутировать со студентами-шакирдами и их преподавателями. Наиболее продуктивными оказались систематические, регулярные беседы, которые впоследствии иногда складывались в произведения. В числе них оказалось сочинение «Об Адаме по учению Библии и по учению Корана», которое представляет собой пересказанные христианином полемические беседы христианина с мусульманином. Учитывая, что сочинение написано на русском с отдельными вкраплениями на арабском и татарском языках, возникает вопрос: насколько хорошо Габаши владел русским языком и сам ли он читал текст Малова или же для него кто-то его переводил? В защиту само-

стоятельного чтения имеется несколько аргументов. Во-первых, как уже упоминалось, параллельно с учебой в медресе, Габаши изучал русский язык; во-вторых, он поддерживал отношения с представителями российской ученой элиты (с профессором-ориенталистом И. Готвальдом, профессором Н. Катановым); в-третьих, во время работы над историей тюрок, Габаши наряду с арабскими и персидскими источниками, обращается к трудам Н. Карамзина, С. Соловьева, В. Ключевского, Н. Ядринцева, В. Вельяминова-Зернова, В. Татищева и других[24]; в-четвертых, в конце жизни Габаши оставил автобиографию, написанную, несмотря на содержащиеся в ней грамматические и стилистические ошибки, на русском языке[25]. Приведенные факты дают основания полагать, что Габаши читал сочинение Малова самостоятельно.

Я не буду подробно останавливаться на произведении Малова «Об Адаме», скажу лишь, что структурно работа построена в форме «бесед» между автором и «ученым муллой» и представляет собой критику в адрес мусульман и мусульманского учения. В ходе бесед (прототипом для которых послужил диспут на заданную тему[26]) конструируется образ «истинного ислама» через внесение в исламское учение христианских смыслов и образов. Сквозной темой всех бесед служит тема «спасения», через которую Малов оправдывает реализуемый им миссионерский проект. С помощью «молчаливого муллы» автор размывает границы исламского дискурса путем внесения в него христианских смыслов[27]. Габаши, расценив действия миссионера как попытку привнести искажения и сомнения в истинное мусульманское учение, занимает охранительную позицию и начинает опровергать идеи, которые, на его взгляд, противоречат исламу. Он пишет: [в сочи-

24. *Габаши Х.-Г.* Всеобщая история тюрских народов / пер. с татар. Тухватулин А. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 3–4, 15–16.

25. *Марданова Д.З.* Кулак или «ученый пролетарий» (по рукописи Хасан-Гата Габаши) // Татарское рукописное наследие: изучение и сохранение: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С. Вахиди. Казань: ИЯЛИ, 2017. С. 119–131.

26. Если Малов использует слово «беседа», «разговор», то для Габаши — это диспут, который в рукописи он называет «муназара», что в переводе с арабского означает «диспут», «спор» (араб. مناظرة).

27. Подробнее см. *Марданова Д.* Миссионерский проект по созданию «истинного ислама» (на примере сочинения Е.А. Малова «Об Адаме по учению Библии и по учению Корана») // Minbar. Islamic Studies. 2019. № 12(1). С. 43–61.

нении «Об Адаме»] «...искажается вероучение мусульман: о пророках, о спасении в целом и о спасении людей через руководство пророка [Мухаммеда]. Это сочинение противоречит Корану... ».[28] «Наша цель не предъявить Ефимию[29] какие-либо претензии, унизить его и подобных ему. Скорее наша цель — исправить и защитить религию»[30] от сомнений и противоречий, вносимых миссионером.

Для достижения поставленной цели Габаши выделяет следующие задачи. *Во-первых,* «показать на основании компетентных толкователей Корана (*муфассиров*), давших разъяснение кораническим аятам, неверную трактовку Евфимием некоторых аятов Корана». *Во-вторых*, преодолеть страх перед неверием (*куфр*), которое может вызвать сочинение Малова. *В-третьих,* развеять сомнения и разъяснить истину братьям-мусульманам, которые обратились к Габаши для этого. *В-четвертых,* развеять сомнения простых людей (*амма*)[31], которые в отличие от ученых не имеют представлений о мировоззрении Малова и не могут самостоятельно различить истину. *В-пятых,* защитить от нападок вероучение мусульман (*ʻакида*) и показать, что оно не противоречит Корану, как утверждают некоторые христианские ученые. *Шестая причина* связана с широким распространением сочинения Малова: «в разных странах, среди местных чиновников и влиятельных людей и даже некоторых мусульман». При этом, как замечает Габаши, сами мусульмане, «народ и ученые нашей земли и остальной империи не обратили никакого внимания на это сочинение. Никто из ученых не исследовал и не исправил его». Поэтому Габаши хочет «исправить» предлагаемый Маловым образ религии и рассказать о настоящем и истинном исламе, отличном от того, как описывает (=конструирует) его Малов. Последняя, *седьмая причина,* связана с желанием Габаши «защитить» положение термина «мулла». «Желая сохранить свое вероучение, мы приступаем к написанию этого сочи-

28. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 31а.

29. Я использую полную форму написание имени — Евфимий, в рукописи Габаши называет Малова — Ефим.

30. Там же. Л. 15а–15б.

31. В данном случае трактовка понятия «амма» может быть двойственной. С одной стороны, под «аммой» понимались шакирды, с другой стороны, под «аммой» мог подразумеваться простой народ. Зеркальным термином «амма» служит понятие «хасса» — ученые или ученая элита.

нения»[32]. Таким образом, Габаши пишет комментарий (*шарх*)[33] на сочинение Малова, чтобы опровергнуть создаваемый Маловым образ «истинного ислама», а также отразить попытку миссионера интегрировать себя в исламский дискурс.

Габаши использует классический этикет диспута (*муназара*), освоенный им в медресе. В качестве тактики поведения Габаши выбирает технику опровержения «ложной» идеи или учения в догматическом богословии (которое в исламе получило название *'илм ал-калам*): «чтобы разъяснить истину и ее очевидность, нам необходимо… показать испорченность риторического диспута, его слабость в аргументах и его вопиющую неправду»[34]. Выбор данной стратегии неудивителен, учитывая, что в мусульманских учебных заведениях Поволжья вплоть до начала XX века студенты (*шакирды*) активно практиковались в богословских диспутах как методе достижения истины и опровержения ложной идеи. По воспоминаниям самого Габаши, он «..был одним из тех, кто с удовольствием занимался распространенными в то время логикой, каламом и диспутами»[35].

На пути к истине…

Богословские диспуты, доставшиеся исламскому, иудейскому и христианскому миру в наследство от античной философской практики, были обычным явлением средневековой интеллектуальной жизни[36]. Распространенной практикой времяпровождения были дебаты двух и более участников на религиозные и философские темы, по результатам диспутов сочинялись книги[37]. Нередко дебаты выходили за рамки обычного развлечения, превращаясь в горячие дискуссии, часто перераставшие в словес-

32. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 9а–12.

33. Подробнее о термине «шарх» см. Gilliot, Gl. (1997) “Sharh”, in *Encyclopaedia of Islam, vol. IX. SAN-SZE,* pp. 317–320. Leiden-Brill.

34. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 14а.

35. *Габаши Х.-Г.* Воспоминания о Марджани // Шихабутдин Марджани. Сборник статей, посвященный 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г. Казань: Тат-ое кн. изд-во, 2015. С. 411–412.

36. Novikoff, A. (2013) *The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice, and Performance.* University of Pennsylvania Press.

37. *Шагавиев Д.* Роль Шихабутдина Марджани в развитии татарской богословской мысли XIX века. Дис. канд. ист. наук. Казань, 2010. С. 23.

ную дуэль и даже конфликт[38]. Для предотвращения конфликтных ситуаций были выработаны собственные правила и манеры поведения. Как отмечает Штромса, поведенческий этикет средневековых меджлисов был вдохновлен этикой диспута. Главным критерием для теологов была истина, поэтому правильное поведение было критерием измерения эффективности дебатов как пути достижения истины[39]. Диспут становился правомерным и допустимым, когда целью участников был совместный поиск истины; запретным — когда целью было уничтожение оппонента и утверждение собственной точки зрения. «Взаимоопровержение исходных постулатов предполага[ло] сознательное применение такой характеристики знания, как сомнение»[40]. При этом, учитывая, что, согласно Корану, «истина — от твоего Господа...»[41], сомнение часто расценивалось как оружие еретиков и неверующих и использовалось для искажения религиозных канонов, истинной веры. Религиозные и теологические диспуты были неотделимыми от окружающей действительности, в них обсуждались актуальные и злободневные темы. Так, первые мусульманские теологи мутазилиты при дворе халифа Ма'муна во время диспутов защищали положения исламской религии от критики со стороны христиан, иудеев и зороастрийцев.

Исторически полемика мусульман с христианами разворачивалась вокруг следующих тем: а) повреждение и фальсификация христианами божественного Откровения; б) вероучительные заблуждения христиан: вера в божественную природу Иисуса Христа, учение о Троице, учение о первородном грехе и искупительной жертве Христа; в) заблуждение христиан в богослужебной практике: как идолопоклонство расценивался культ Иисуса Христа, Марии и святых[42]. Наряду с защитой ислама от нападок и критики со стороны представителей других исповеданий, мусульманские богословы через диспуты разрешали также вну-

38. Stroumsa, S. (1999) "Ibn al-Rawandi'ssu' adab al-mujaddala: the Role of Bad Manners in Medieval Disputations", in M. Cohen, S. Griffith, H. Lazarus-Yafeh, S. Somekh (eds) *The Majlis: Interreligious Encounters in Medieval Islam (Studies in Arabic Language and Literature)*, p. 66. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

39. Ibid, p. 82.

40. *Фролова Е.* История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность: Учебное пособие. М., ИФ РАН, 2006. С. 34.

41. Коран (2:142): «Истина — от твоего Господа, не будь же в числе сомневающихся».

42. *Журавский А.* Очерки христианско-мусульманских отношений. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. С. 17.

тренние идеологические разногласия и противоречия. В центре внимания *ʾилм ал-калам* оказывались следующие темы — боговоплощение, переселение душ, единство Аллаха и принцип единобожия (*таухид*), атрибуты Аллаха и понимание их границ, определение верующего мусульманина, природа Корана, предопределение и свобода воли, антропоморфизм и другие вопросы[43].

В качестве структуры будущей работы в начале рукописи Габаши выделяет три раздела: Введение (*Муккадима*), основная часть из десяти глав и Заключение (*Хатима*)[44]. Однако, несмотря на запланированный вариант, итоговая структура отличается от этого плана. Она включает в себя введение, за которым вместо десяти заявленных глав следуют две, что касается заключения, то оно и вовсе отсутствует — оставляя ощущения незавершенности работы. В целом трактат отличается от привычных мусульманских сочинений богословского и полемического характера. В содержании и структурном делении текста отсутствуют как традиционные пункты мусульманского богословского текста — проблема предопределения, свободы воли, атрибутов Аллаха и другие, — так и «привычные» сюжеты исламо-христианской полемики, касающиеся проблемы Троицы, Иисуса Христа, «испорченности» Евангелия, темы пророчества Мухаммеда, божественной природы Корана[45]. Притом обозначенные темы фигурируют в самой рукописи. Структурно текст развивается несколько хаотично, в значительной степени следует за текстом Малова; затрагивая лишь Вводное слово и первую беседу (из двенадцати имеющихся) сочинения «Об Адаме».

Тематически Габаши касается следующих сюжетов: отрицание первородного греха и грехопадения; нагота первых людей и их изгнание из Рая; безгрешность пророков; повреждение христианами Библии; использование «плохих» источников (перевода Корана Г. Саблукова и «слабых» переводов мусульманских книг, «неправильных» толкований Корана); тема спасения, антропоморфизм; эсхатология; принцип единобожия (*таухид*); учение об атрибутах Аллаха. Красной нитью через всю рукопись проходит критика диспута и его участников. Малов, а вслед за ним

43. Подробнее см. *Прозоров С.* Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит., 2004.

44. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 20а.

45. *Журавский А.* Очерки христианско-мусульманских отношений. С. 17.

Саблуков и Гиргас критикуются в качестве толкователей Корана (*муфассиры*).

В отличие от Малова, который центральной темой выбирает вопрос о спасении мусульман, не узнавших Иисуса Христа как спасителя, для Габаши сквозной темой работы становится принцип единобожия (*таухид*). Хотя эта тема отдельно и не фигурирует в содержании рукописи, но опровержение Габаши, приводимые им доводы в значительной степени основываются на принципе единобожия и учении об атрибутах Аллаха. Учение об единобожии было направлено против языческого политеизма и христианства с его идеей троичности Бога. «На уровне спекулятивной теологии ат-Т.[аухида] решалась в плане соотношения сущности (*аз-зат*) бога и его атрибутов (*ас-сифат*), творца и его творений»[46].

Критика диспута и собеседников — миссионера Малова и «ученого муллы»

Габаши критикует сам диспут и его участников в качестве нелегитимных. Показывая их несоответствие требуемым правилам, Габаши тем самым старается доказать, что «беседы» Малова с «ученым муллой» не открывают истину, а напротив, ведут к сомнению и заблуждению.

Требования к диспуту состоят в следующем:

1) о диспуте должно объявляться заранее; 2) «живой разговор» предполагает встречу лицом к лицу; 3) наличие не менее двух грамотных свидетелей с обеих сторон; 4) соответствие участников диспута определенным требованиям[47].

Габаши доказывает несоответствие «бесед» данным правилам. Первый пункт не исполняется: до начала спора о нем не объявляется заранее[48]. Второй пункт, предполагающий «живую встречу», также не исполняется. Габаши подвергает сомнению реальность «бесед» Малова с «ученым муллой»: «...когда необходимо отвечать оппоненту со стороны ислама, он [мулла] молчит..., когда необходимо задавать вопросы — он снова молчит». В других случаях, когда следовало промолчать, «мулла распростра-

46. Статья «ат-Таухид» // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 232.

47. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 29б.

48. Там же. Л. 24а.

няет слова, противоречащие вероучению и Сунне». Некоторые места, по мнению Габаши, и вовсе «...доказывают, что этого диспута в действительности не было». В результате вместо диспута развернулся монолог, в котором Малов «детально раскритиковал слова одного человека, в условиях отсутствия его ответа»[49]. Сложно судить о действительном существовании «ученого муллы»: Малов ни разу не упоминает его имени, обращаясь к нему либо как к «мулле», либо как к «ученому мулле», поэтому сомнения Габаши весьма оправданны. Данный прием, предполагавший введение в текст персонажа другой религиозной традиции, с которым ведется диалог и беседа на заданную тему, — неоднократно использовался не только в христианских[50], но и мусульманских сочинениях[51].

Третье требование к диспуту посвящено разбору свидетелей. Габаши сообщает, что хотя во время 4-й, 7-й, 9-й, 10-й бесед «свидетелем с христианской стороны выступал миссионерский руководитель Я.П. Яблоков[52], однако есть сомнение, что он знает науки и языки обеих сторон». Для того чтобы «...быть надежным свидетелем в этом диспуте, нужно хорошо знать тюркский и арабский языки», «...незнание необходимых языков не позволяет ему проникнуть в суть сказанного». Кроме того, Яблокову мешает быть объективным свидетелем диспута его субъективный настрой как миссионера[53]. Что касается второго свидетеля, с мусульман-

49. Там же. Л. 32б, 24а, 29б.

50. Подробнее см. 1) *Селезнев Н.Н.* Книга собеседований Илии, митрополита Нисивина, с везиром Абу-л-Касимом ал-Хусайном ибн ʻАли ал-Магриби и Послание митрополита Илии везиру Абу-л-Қасиму. Китаб ал-маджалис лимар ʼИлиййа, мутран Нисибин, ва-рисалатух ила-л-вазир ал-камил Аби-л-Касим ал-Хусайн ибн ʻАли ал-Магриби. М.: Грифон, 2018. 2) Богословские собеседования между Католикосом Церкви Востока Мар Тиматеосом I (727–823) и халифом ал-Махди, повелителем правоверных / перев. с араб.: Н.Н. Селезнев, под ред. Д.А. Морозова. — М.: Ассирийская Церковь Востока, 2005.

51. Например, Утыз-Имани в рассказе *Хикайат бар сабил-и тамсил* описывает свою беседу с православным по имени Гришка, который высказывает даже некоторые сомнения в собственной вере (Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане [1789–1889]: Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. Казань: Российский исламский университет, 2008, с. 280–282). Другим примером служат произведения И. Гаспринского. Пример «Французские письма», где Молла Аббас Франсеви беседует с француженкой — мадемуазель Жозефиной. (Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского. Симферополь: ООО ФОРМА, 2016. Т. I. стр. 19–133).

52. Яблоков А.П. (род. в 1854 г.) — духовный писатель, протоиерей в Казани, руководитель казанского Частного миссионерского приюта.

53. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 29а, 29б, 76б.

ской стороны, то он просто отсутствует. Таким образом, критериям третьего пункта диспут также не отвечает.

В четвертом пункте проверяются сами участники диспута, к которым также предъявляются определенные требования, а именно: 1) должны быть известны их имена и род занятий; 2) каждый участник должен хорошо владеть предметом спора, хорошо знать источники — Коран, хадисы, толкования Корана; 3) владеть языками, на которых ведется диспут (наиболее важным при обсуждении вопросов вероучения считается арабский язык[54]); 4) от них требуется знание наук: «нельзя прощать того, кто ошибается в риторике (*ʻилм бади*ʻ), науке смыслов (*ʻилм маʻан*) и в основах права (*усул ал-фикх*)»[55]; 5) они должны быть религиозны.

Первое условие выполняется частично: «после диспута упоминается только имя Евфимия и сам факт диспута, а имя и род занятий другой стороны не упоминаются»[56]. Второе условие также не исполняется: Малов, из-за незнания, либо плохого знания арабского языка, не может читать Коран, хадисы, толкования Корана (*тафсиры*) и прочие книги в оригинале. Когда же он пытается читать оригинал, то допускает множество ошибок и не понимает смысла скрытого за каждым из аятов[57]. Неспособность читать тексты в оригинале вынуждает миссионера обращаться к помощи «плохих» переводов: к переводу Корана Саблукова и к слабым переводам мусульманских книг, подготовленных для Малова плохо образованными мусульманами.

Критика в адрес перевода Корана Саблукова связана с представлением Габаши, что «...по переводу невозможно не только понять тайны Корана, но даже его лингвистический смысл. Этот перевод не является переводом Корана, а является переводом тафсира, и сам переводчик не является мусульманином»[58]. Габаши соглашается, что в мире существуют «переводы Корана, однако эти переводы недостаточны», являясь «только языковыми; они не выделяют истину и [не передают] метафорический смысл Корана и все его особенности». Поэтому перевода недостаточно, чтобы понять заложенный Аллахом смысл. Что касается перево-

54. Там же. Л. 71б.

55. Там же. Л. 67б.

56. Там же. Л. 24а.

57. Больше примеров см. в *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 56б, 57а, 58а, 59а.

58. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 36б.

дов мусульманских книг, подготовленных слабо образованными мусульманами, то Габаши подвергает критике уровень их знаний, морально-этические качества[59], доказывая тем самым, что переводам этих людей доверять нельзя.

Что касается второго источника Малова — Библии, то здесь Габаши занимает традиционную мусульманскую позицию, доказывая «испорченность» христианского Писания: «в христианских книгах нет цепочки передатчиков (*иснад*), все цепочки информации прерваны»[60]. В результате допущенных искажений в христианском Писании появились вещи, противоречащие Корану, именно поэтому «в Библии об Адаме мы нашли противоречивые места». Что касается мусульманских книг, то они широко распространены (*мутаватир*) и имеют хороший *иснад* до пророка. Каждый *иснад* имеет доказательство (*далил*). «Как можно критиковать обоснованные книги [то есть мусульманские] необоснованными [то есть христианскими]?»[61] — недоумевает Габаши. Таким образом, по критериям Габаши, все используемые Маловым источники (перевод Корана Саблукова, «плохие» переводы мусульман, Библия) не заслуживают доверия.

Следующие два условия (третье и четвертое) рассмотрим вместе. «Нет свидетельств, что обе стороны являются знатоками двух или трех языков — тюрского, арабского и русского», — пишет Габаши. Из-за отсутствия «в христианских школах исламских языков — тюркского, арабского, фарси, [Малов] не может различить истину от лжи, хотя на это и претендует». В подтверждении своих слов Габаши приводит примеры ошибок Малова, а за ним и «ученого муллы» в арабском языке[62].

В числе необходимых мусульманских наук Габаши называет логику (*мантык*), нужную для разбора противоречий между разными мнениями. «С помощью этой науки можно выяснить истину (*хакият*) и ложь (*батл*)». Наряду с логикой для постижения истины требуются знания в таких науках, как грамматика (*нахуа*), логика (*мантык*), философия (*фальсафа*), толкование Корана (*тафсир*)[63].

59. Там же. Л. 17а–17б, 23а.

60. Там же. Л. 28а. Также о плохом *иснаде* Библии см. Л. 38а, 65б.

61. Там же. Л. 65а, 28а.

62. Там же. Л. 24а, 75а, 58а, 81а.

63. Там же. Л. 75а.

В отличие от Малова, который видит в своем собеседнике «человека очень любознательного, дельного и, по-мухаммедански, очень образованного»[64], Габаши, напротив, постоянно указывает на невежество и безграмотность муллы, его несостоятельность как ученого. По мнению Габаши, мулла плохо понимает Коран и Библию[65] и поэтому соглашается с Маловым; либо же «потворствует» миссионеру из-за отсутствия религиозности. Он также плохо знает исламские науки — грамматику, логику, философию, науку толкования[66] и потому «не заботится о соблюдении этики и законов диспута, скорее, он намеренно стремится нарушить этические нормы». Поскольку «слова муллы и его разъяснения далеки от истины»[67], а самого муллу следует именовать не «ученый мулла», а «заблуждающийся и ошибающийся мулла», то и диспут с таким человеком, как считает Габаши, не заслуживает внимания. В случае же, если мулла, в действительности, обладает достаточными знаниями, то его ложные высказывания результат того, что: их либо неправильно записал Малов; либо мулла скрыл свои истинные знания из страха; либо мулла лишь выдумка Малова. «В действительности, Евфимий в своей книге либо слишком превозносит муллу, либо он не приводит полностью ответы муллы, желая показать правильность своих идей. Наиболее вероятно, это так»[68].

Аналогичным образом Габаши проверяет на соответствие в качестве участника диспута самого Малова. Как считает Габаши, несмотря на заявления Евфимия, что мусульман можно критиковать при помощи рациональных доказательств, для самого священника это оказывается неподъемной задачей. Ни в одной религии рациональные науки не преподаются так же хорошо, как в исламе: студенты-мусульмане большую часть времени проводят в изучении рациональных наук, поэтому критиковать ислам

64. *Малов Е.* Об Адаме по учению Библии и по учению Корана. Казань, 1885. С. I.

65. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 26а-б, 68а, 81б.

66. Там же. Л. 77а–78а.

67. Там же. Л. 81а. Не всегда, тем не менее, мулла, как считает Габаши, ошибается, иногда он говорит истинные вещи: «Последний ответ муллы — истинный. В книгах по вероубеждению такая же точка зрения». (Там же. Л. 83б.)

Или: «...теперь видно, что ответ муллы относительно слова «Мы говорим», пусть он такой, однако он соответствует книгам по богословию и является в своей основе истинным». (Там же. Л. 84а.)

68. Там же. Л. 31б, 68а.

с рациональной точки зрения — бессмысленно[69]. Наряду с плохим знанием рациональных доказательств и наук, Малов также плохо знает саму традицию и ее источники, то есть не владеет традиционными доказательствами: он «невежда в толкованиях Корана (*тафсиры*) и правилах, поэтому все, что он говорит, не является настоящим опровержением[70]. «Его слова необоснованны, он не разбирается в своей теме, при этом заявляет, что будет учить мусульман». Не зная исламских наук, Малов «...не заботится о соблюдении условий при извлечении доказательств, не понимая сути сказанного — приводит доказательства». На основании характера дискуссии Малова с «муллой» Габаши приходит к выводу, что «...Евфимий — фанатик, претендующий на полное понимание» но, в действительности, не достигающий сути истины[71]. Автор рукописи несколько раз сравнивает участников диспута с детьми, а сам диспут и приводимые в нем аргументы — с детскими играми[72]. Отношение Габаши к Малову и «мулле» выражается в его оценке их взглядов через такие характеристики, как «невежество», «заблуждение», «пустословие», «легкомыслие»[73] и прочие.

Наряду с требованиями «интеллектуального» характера, по пятому условию (см. выше), каждый участник диспута должен обладать высокими нравственными и моральными качествами, быть религиозным и благочестивым. Выше мы уже останавливались на критике морально-нравственных качеств муллы; что касается Малова, то, как утверждает Габаши, последний преследует не «благородные» цели, связанные с поиском и обретением истины, как того требует допустимый диспут, действительная причина — приобретение денег и положения[74]. «Карьеризм» — не худшее из качеств Малова, Габаши неоднократно «обличает» священника во лжи и клевете, пишет об отсутствии у него совести. Маловым движет прихоть, следуя за которой он вносит противо-

69. Там же. Л. 28а.

70. Примеры см. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 26а, 28б.

71. Там же. Л. 36а, 31а, 61б.

72. Примеры см. в *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 26а, 28б.

73. Там же. «Невежество» — л. 28б, 37б, 40б, 61б, 66б, 73а, 75б, 82а, 86а, 93б, 99б, 101а, 103б, 107а; «заблуждение» — 37а, 49б, 74а, 75а, 77б, 80а, 80б, 81а, 86б, 89б, 94б; «пустословие» — 34б; «легкомыслие» — 49б.

74. Там же. Л. 27б.

речия в этот мир[75]. Из этого напрашивается вывод, что в споре для Малова важно не достижение истины, а желание с кем-либо поспорить, кого-то покритиковать.

«В таком диспуте не будет никакой точности, содержательности и основательности. Если бы диспут шел по правилам, утверждения извлекались из аятов и хадисов, то законы были бы извлечены, но это не соблюдается». Участники диспута также не соответствуют необходимых требованиям: в недостаточной степени знают предмет диспута, необходимые языки, обладают слабыми моральными и нравственными качествами[76]. Источники, на которые ссылается Малов, также оказываются неавторитетными и сомнительными. На основании всего вышесказанного логически следует вывод, что диспут и его участники нелегитимны, а сам диспут не только не утверждает истину, но более того — сеет сомнения и противоречия, становясь тем самым запретным и греховным.

Христианские «*муфассиры*» — толкователи Корана?

Наряду с критикой нелегитимных «собеседников», Габаши прибегает к критике христианских «*муфассиров*», фигурирующих в книге «Об Адаме». В числе таких «*муфассиров*», то есть толкователей Корана, Габаши называет самого Малова, Саблукова с его переводом Корана, а также востоковеда и автора «Арабско-русского словаря к Корану и хадисам» В.Ф. Гиргаса[77]. По мнению Габаши, они принялись за толкование и перевод Корана, не разобравшись со всеми толкованиями (*тафсиры*), и в отличие от мусульманских ученых, прилагающих максимальные силы для нахождения правильного толкования, христианские *«муфассиры»* толкуют Коран, опираясь лишь на языковое значение[78]. Аргументы критики Малова мы уже видели выше.

По распространенной среди мусульман точке зрения, которой также придерживается Габаши, невозможно подражать красноречию и риторическим приемам Корана. Для понимания крас-

75. Там же. Л. 15а, 18а, 30а, 54а, 95б.

76. Там же. Л. 26б, 29б.

77. Гиргас Владимир Федорович (1835–1887) — арабист, востоковед, профессор Санкт-Петербургского университета. Совместно с бароном В.Р. Розеном он составил «Арабскую хрестоматию». В 1881 г. вышел капитальный труд Гиргаса: «Словарь к арабской хрестоматии и Корану» (Казань).

78. Там же. Л. 41б–42а.

норечия и риторики Корана необходимо знать такие науки, как текстология (*матн люгат*), морфология, грамматика (*нахва*), наука толкования (*‘илм ат-тафсир*), наука красноречия (*‘илм ал-фусаха*), семантика, методология (*‘илм ал-‘усул*) и еще некоторые подобные им. Большинство христианских ученых, подобно Малову, не отвечают этим требованиям[79]. По этой причине священник неправильно понимает и толкует Коран, что выражается в его «буквализме», когда он предлагает «мулле» отказаться от мусульманского предания и ограничиться Кораном и Библией при извлечении доказательств во время «бесед». На это Габаши отвечает: «Как Евфимий заявляет, что нужно читать только Коран и учитывать только Коран? Он не принимает в расчет основы фикха (*‘усул ал-фикх*) и существующие толкования...» в то время, как «многое в Коране — это метафоры», которые нельзя толковать буквально. Малов игнорирует существующую традицию толкования, а это противоречит принятым правилам. Не зная и не понимая контекста и адресата аятов, Малов размышляет о Коране и цитирует аяты, поддерживающие его точку зрения[80], но ничего общего не имеющие с истинным учением. Игнорирование известных *тафсиров* приводит Малова к неправильным интерпретациям, противоречащим всем признанным толкованиям[81]. Результатом становятся сомнения и противоречия[82], уводящие от истины, а не приводящие к ней. Чтобы бросить тень на Коран, Малов выискивает «якобы» существующие в Коране противоречия, однако «...слова, что в Коране есть места противоречивые — это безосновательное заявление, доказывающие его невежество. Все понимающие люди знают, что в Коране нет противоречий»[83].

Проявленное Маловым «невежество» приводит Габаши к выводу, что миссионера не интересует Коран как таковой, и его

79. Там же. Л. 17б–18а.

80. Там же. Л. 55б, 37а, 19б.

81. Примером неправильного толкования служит толкование Корана (53:6–9): «Обладатель могущества, вот Он стал прямо на высшем горизонте, потом приблизился и спустился, и был на расстоянии двух луков или ближе». По мнению Габаши, толкование Малова о том, что в этом аяте речь об Аллахе, приближающемся к пророку, противоречит толкованию всех муфассиров, которые считают, что в этом аяте речь идет не об Аллахе, приблизившемся к пророку, а Джабраиле. Существующее представление полностью основывается на сложившемся предании (*Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 89б–91б).

82. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 93б, 103а, 104б.

83. Там же. Л. 101б, 94а.

цель — не в том, чтобы правильно толковать Коран, а в том, чтобы критиковать и порочить мусульман. Поэтому Малов, по мнению Габаши, не истинный толкователь Корана и потому не может давать никаких толкований. Схожая критика со стороны Габаши звучит в адрес перевода Корана Саблукова: «этот перевод — не является переводом Корана, а является переводом *тафсира*, и сам переводчик не является мусульманином. Поэтому мусульмане не доверяют не мусульманам, особенно евреям и христианам»[84].

Аргументация Габаши

Система аргументации в исламе содержит два вида доводов (=доказательств). Первые, так называемые традиционные доказательства (*адиллат наклиййа*), основываются на священных текстах; вторые — рациональные доказательства (*адиллат ʻаклиййа*), выведены при помощи разума. Данная система доводов сложилась в средневековых меджлисах, когда в полемике представителей разных религиозных традиций, священные тексты, будучи авторитетными для представителей одной религиозной традиции, утрачивали авторитетность в качестве доводов для представителей другой. Так, Коран, являясь авторитетом для мусульман, не вызывал доверия у христиан, для которых авторитетом служила Библия. Осознавая это, Габаши пишет: «невозможно их [Коран и Библию] примирить, нельзя сказать: одно истинно, другое ложно. Обе стороны доказывают свою истину и правоту. Необходимо использовать рациональные доказательства для того, чтобы проверить пророческие смыслы и изучить книги обеих сторон, цепочки (*иснады*). Неизбежно утвердится истина, основанная на аргументах»[85]. Для опровержения священного текста другой религиозной традиции в каждой из конфессий сложилась собственная дискурсивная стратегия: в исламе концепция об испорченности христианских книг, в христианстве — небожественная, человеческая природа происхождения Корана. В качестве общего языка полемики, который бы объединил представителей разных конфессий, был выработан язык рациональных доводов, при котором

84. Там же. Л. 87б, 101б, 36б.

85. Там же. Л. 25б.

доказательства извлекались из разума на основании логических методов.

В своем опровержении Габаши использует оба вида доводов. К рациональным он прибегает, в первую очередь доказывая нелегитимность диспута и его участников. Основой традиционных доводов для него служат доводы, извлеченные из мусульманских (Корана, *тафсиров*, словарей и др.) и христианских книг (Библии, сочинений Отцов Церкви и др.).

Логика Габаши имеет определенную структуру и выстроена следующим образом. Каждый смысловой фрагмент текста содержит тезу и антитезу. Тезой служат слова Малова «Евфимий на [такой-то] странице говорит:...», далее следует цитата Малова или «ученого муллы» из книги «Об Адаме». За тезой со слов «мы говорим:» (*айтырмыз*) следует сложная антитеза с разъяснением Габаши приведенной цитаты. Антитеза включает несколько компонентов, после стандартной первой части («мы говорим»), следует вторая вариативная часть, состоящая из традиционных и рациональных доказательств. Как правило, антитеза заканчивается выводом — «таким образом» (*ал-хасил*), где Габаши подводит некоторый итог.

Показательным примером извлечения двух видов доводов служит опровержение учения о первородном грехе в христианстве, когда Габаши опровергает тезис, что в раю во время грехопадения присутствовал шайтан (дьявол).

1) *Рациональный довод* Габаши использует при опровержении аргумента Малова о том, что в раю дьявол скрывался в образе «змея». По мнению Габаши, представление, что змей в этом отрывке выступил орудием шайтана, указывает, что Аллах попустил очевидную несправедливость (*зульм*) в отношении невинного животного, однако подобное утверждение «...противоречит качеству (*сифату*) Аллаха о справедливости»[86], то есть противоречит представлению о справедливости Аллаха. Слова Малова допускают, «что у качеств Аллаха есть недостатки. Это утверждение неверное, тот, кто к нему призывает, — неверный. Этот призыв ошибочный, и тот, кто призывает, — ошибается»[87]. Данное доказательство Габаши выстраивает на основании учения об атрибу-

86. Там же. Л. 63б. Сифат — исламский термин, используемый для обозначения «божественных атрибутов».

87. Там же. Л. 64а.

тах Аллаха, составляющего один из фундаментов ислама — учение об единобожии (*таухид*).

2) *Традиционный довод* Габаши использует при опровержении тезиса о присутствии дьявола в райском саду. Сославшись на стихи из книги Бытия (3:11-12)[88], он пишет, что данные стихи не доказывают, что за змеем скрывается шайтан, — утверждение обратного противоречит истинным доводам[89].

Наряду с Библией, в другом примере Габаши приводит доводы из сочинений христианских авторов, например, греческого богослова, одного из святителей православной церкви Василия Великого (ум. 379), «...чьи слова не противоречат шариату и здравому смыслу. Его слова служат доказательством и подтверждают исламскую точку зрения в этом вопросе»[90]. Данная цитата демонстрирует, что Габаши не принципиально отвергает все христианское, он критикует лишь то, что, по его мнению, вносит противоречия и сомнения в ислам, размывает границы исламского дискурса.

К традиционным доводам Габаши, как правило, обращается для опровержения толкований Маловым Корана, когда миссионер, доказывая христианское учение, одновременно критикует мусульманское, «...утверждая, что Коран противоречит тому, что мусульмане думают»[91]. Для опровержения того или иного толкования Малова Габаши приводит несколько признанных в исламе толкований (*тафсиры*). Хорошим примером служит сюжет о сотворении Адама, затрагивающий проблему антропоморфизма в исламе. Для опровержения слов Малова, что «...в Коране (38:75) говорится, что Бог сотворил Адама Своими руками»[92], Габаши приводит толкования на этот аят из авторитетных *тафсиров*[93], среди них — *тафсир ал-Мавакиб, тафсир ал-Байдави, тафсир Джалалайн и Рух ал-байан*[94].

88. Бытие (3:11–12) «И сказал [Бог]: кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел».

89. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 62б–63а.

90. Там же. Л. 84б.

91. Там же. Л. 51а.

92. Коран (38:75) «О Иблис, что удержало тебя от поклонения тому, что Я создал Своими руками? Возгордился ли ты или оказался из высших?».

93. Опровержение данного сюжета см. *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика. Л. 87б–88б.

94. Турецкий «Тафсир ал-мавакиб»; «Тафсир ал-Байдави» написан с позиции ашаритского калама и шафиитского мазхаба; «Тафсир Джалалайн» выполнен в духе

Таким образом, в своем опровержении на основе доводов из традиции в качестве главного аргумента Габаши приводит цитату из Корана, в некоторых случаях — из Библии. В отличие от Малова, предлагающего ограничиться первоисточниками — Кораном и Библией, Габаши также прибегает к мусульманскому преданию: как правило, к *тафсирам* Корана, в некоторых случаях к словарям и другим книгам, где приводится толкование обсуждаемого аята.

Вместо заключения. Несовместимость вероучений

Мусульмане не могут принять «христианское вероучение, опирающееся на неправду и противоречащее хадисам пророка Мухаммеда и Корану», — пишет Габаши. «Если мухаммеданский человек примет [христианское учение], то перестанет быть мухаммеданином, и если примет христианин [мусульманское вероубеждение], то он перестанет быть христианином»[95]. Приведенные слова хорошо резюмируют суть сочинения «Нур ал-хакика». Написанное Габаши для защиты исламского учения от искажений и сомнений, вносимых Маловым, оно служит наглядным примером мусульманской реакции на миссионерский вызов.

Как мусульманский автор, Габаши занимает охранительную позицию. Он одновременно защищает мусульманское вероучение от вносимых Маловым искажений, цель которых — создание образа «истинного ислама», якобы близкого к христианству, а также отражает попытки миссионера интегрировать себя в исламский дискурс посредством придуманного анонимного «ученого муллы». Важно заметить, что в своей критике Габаши не отвергает все христианское учение, он критикует лишь то, что, на его взгляд, искажено, то есть противоречит исламу. Будучи мусульманином, он осмысляет и критикует произведение миссионера в категориях исламского дискурса: для осуждения Малова и «ученого муллы» в качестве легитимных диспутантов Габаши использует классический этикет диспута (*муназара*), освоенный им в медресе. При этом критика направля-

ашаритского калама, широко распространен и известен среди мусульман-суннитов; «Тафсир Рух ал-байан» — эзотерическая интерпретация Корана, написанная в персидской поэтической форме и сочетающая идеи Ибн Араби (ум.1240) и ал-Газали (ум. 1111) и ал-Кушайри (ум. 1072).

95. Там же. Л. 25а.

ется не на все волновавшие Малова темы и вопросы, а лишь на важные, с точки зрения ислама. Прежде всего, критикуется то, что противоречит принципу единобожия (*таухид*) — фундаменту ислама. В отличие от Малова, который делает главной темой своего сочинения вопрос спасения, Габаши, ответив Малову на «спасение» весьма кратко, переводит разговор на уровень догматического богословия и начинает критиковать Малова через учение об единобожии (*таухид*). Подобным образом Габаши вводит свой «привычный» сценарий критики мусульман в адрес христиан, что неудивительно, учитывая, что проблема единобожия является ключевой в исламо-христианской полемике.

Еще один важный момент состоит в том, что, включая Малова в исламский дискурс (через критику диспута и участников диспута), Габаши одновременно исключает его в качестве актора, создающего этот дискурс. Для этого конструируется образ Малова как «нелегитимного» участника диспута и толкователя Корана (*муфассира*), привносящего сомнения и искажающего истину. При помощи понятий «истина» и «сомнение», методов опровержения «ложного» учения, разработанных в догматическом богословии, Габаши доказывает, что Малов не имеет права рассказывать об исламе и толковать Коран, потому что не является настоящим толкователем Корана (*муфассиром*). Следовательно, он не имеет права ничего вносить в исламское учение и вместо обещанного «спасения» и «просвещения» ведет мусульман к заблуждению и тьме.

Библиография / References

Бессмертная О. и др. Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема / Отв. ред. выпуска А.В. Смирнов. М.: Языки славянских культур, 2010.

Богословские собеседования между Католикосом Церкви Востока Мар Тимотеосом I (727–823) и халифом ал-Махди, повелителем правоверных / перев. с араб.: Н.Н. Селезнев, под ред. Д.А. Морозова. М.: Ассирийская Церковь Востока, 2005.

Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы татар. Гос. изд-во, 1923.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Габаши Х.-Г. Воспоминания о Марджани // Шихабутдин Марджани. Сборник статей, посвященный 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г. Казань: Тат-ое кн. изд-во, 2015.

Габаши Х.-Г. Всеобщая история тюрских народов / пер. с татар. Тухватулин А. — Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009.

Габәши Х.-Г. Тәржемәи халемнән, гыйлҗми һәм иҗтимагый хезмәтләремнән беркадәресе // Фәнни Татарстан. 2015. № 3. С. 118–149.

Габаши Х.-Г. Нур ал-хакика. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. Лобачевского КФУ. 1886 год. Рукопись. Шифр — Т120.

Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Роберт П. Джераси; авторизов. пер. с английского В. Гончарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Журавский А. Очерки христианско-мусульманских отношений. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014.

Ислам: Энциклопедический словарь. М.; Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.

Исхаков Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII — начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011.

Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане [1789–1889]: Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. И. Гилязова. Казань: Российский исламский университет, 2008.

Коран / Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. Издание 2-е. М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1986.

Коран. Репринтное издание. «Коранъ. Переводъ съ арабскаго языка Г.С. Саблукова. Казань, 1907 г.». М.: МП «МИФ», 1991.

Малов Е. Об Адаме по учению Библии и по учению Корана. Казань, 1885.

Марданова Д.З. Кулак или «ученый пролетарий» (по рукописи Хасан-Гата Габаши) // Татарское рукописное наследие: изучение и сохранение: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С. Вахиди. Казань: ИЯЛИ, 2017. С. 119–131.

Марданова Д. Миссионерский проект по созданию «истинного ислама» (на примере сочинения Е. А. Малова «Об Адаме по учению Библии и по учению Корана») // Minbar. Islamic Studies. 2019. № 12(1). С. 43–61.

Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133–148.

Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского. Симферополь: ООО ФОРМА, 2016. Т. I.

Прозоров С. Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит., 2004.

Салихов Р. Габаши, Хасангата // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Том I / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Вост. лит., 2006. С. 101–103.

Селезнев Н.Н. Книга собеседований Илии, митрополита Нисивина, с везиром Абу-л-Касимом ал-Хусайном ибн ʻАли ал-Магриби и Послание митрополита Илии везиру Абу-л-Касиму. Китаб ал-маджалис лимар ʼИлиййа, мутран Нисибин, ва-рисалатух ила-л-вазир ал-камил Аби-л-Касим ал-Хусайн ибн ʻАли ал-Магриби. М.: Грифон, 2018.

Тухватулин А. Хасан-Гата Габаши (1863–1936) как общественный деятель и историк: Дис. канд. ист. наук. Казань, 2003.

Фролова Е. История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность: Учебное пособие. М., ИФ РАН, 2006.

Хабибуллин М. Михаил Александрович Машанов — профессор Казанской духовной академии, миссионер и исламовед. Казань: Алма-лит. 2006.

Шагавиев Д. Роль Шихабутдина Марджани в развитии татарской богословской мысли XIX века. Дис. канд. ист. наук. Казань, 2010.

Усманова Д., Михайлов А. Ислам и православие в позднеимперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона). Казань: Яз, 2014.

Утыз-Имяни Г. Избранное / Сост. и пер. с араб. Р. Адыгамова. Казань: ТГГПУ, 2007.

Bessmertnaya, O., et.al. (2010) *Rossiia i musul'manskii mir: Inakovost' kak problema* [Russia and the Muslim world: Otherness as a problem]. M.: LRC Publishing House.

Campbell, E. I. (2015) *The Muslim Question and Russian Imperial Governance*. Indiana University Press.

Frolova, E. (2006) *Istoriia arabo-musul'manskoi filosofii. Srednie veka i sovremennost': uchebnoe posobie* [The History of Arab-Muslim philosophy. Middle Ages and the Present: a schoolbook]. M.: IPh RAS.

Gabashi, H.-G. (1886) *Nur al-khakika. Otdel rukopisei i redkikh knig Nauchnoi biblioteki im. N. Lobachevskogo KFU* [Nur al-haqiqa. Department of manuscripts and rare books of the N. Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University]. Manuscript T120.

Gabashi, H.-G. (2015) "Terzhemae halemnen, gyylzhmi hem izhtimagyy hezmetleremnen berkaderese" [Some of my biography, scholarly and social services], *Fenni Tatarstan* 3: 118–149.

Gabashi, H.-G. (2015) "Vospominaniia o Mardzhani" [Memories of Marjani], in Shihabuddin Mardzhani. Sbornik statei, posvyashennyq 100-letiyu Sh. Mardzhani. Kazan: Tat-oe knizhnoe izdatal'stvo.

Geraci, R. (2013) *Okno na Vostok: Imperiia, orientalizm, natsiia i religiia v Rossii* [Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia]. Moscow: New Literary Observer.

Gilliot, Gl. (1997) "Sharh", in *Encyclopaedia of Islam. Vol. IX. SAN-SZE*, pp. 317–320. Leiden-Brill.

Iskhakov, R. (2011) *Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kamiia (posledniaia tret' XVIII — nachalo XX v.)* [Volga-Kama Muslims and Mission (the last third of the XVIII — the beginning of the twentieth century)]. Kazan: Tat. knizh. Izdatel'stvo.

Kefeli, A. (2014) *Becoming Muslim in Imperial Russia. Conversion, Apostasy, and Literacy*. Cornell University Press.

Kemper, M. (2008) *Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane (1789–1889): islamskii diskurs pod russkim gospodstvom* [Sufis and Scholars in Tatarstan and Bashkortostan (1789–1889): Islamic Discourse under Russian Rule]. Kazan: Russian Islamic University Press.

Khabibullin, M. (2006*) Mikhail Alexandrovich Mashanov — professor Kazanskoi duhovnoi akademii, missioner i islamoved* [Mikhail Alexandrovich Mashanov is a professor of the Kazan Theological Academy, missionary and Islamic scholar]. Kazan: Alma-lit.

Krachkovskiy, I. (ed.) (1986) *Koran* [Quran]. 2nd Edition. M.: "Nauka".

Malov, E. (1885) *Ob Adame po ucheniiu Biblii i po ucheniyu Korana* [About Adam on Bible Doctrine and on the Quran Doctrine]. Kazan.

Mardanova, D. (2019) Missionerskiy proekt po sozdaniiu "istinnogo islama" (na primere sochineniia E.A. Malova "Ob Adame po ucheniiu Biblii i po ucheniiu Korana") [The Missionary Project: Creating of the "True Islam" on the example of the "The Bible and the Holy Qur'an on Adam" by Professor E.A. Malov (1885)], *Minbar. Islamic Studies* 12(1): 43–61.

Mardanova, D.Z. (2017). Kulak ili «uchenyi proletarii» (po rukopisi Khasan-Gata Gabashi) [Kulak or 'learned proletarian' (according to Ḥasan 'Aṭā' Gabashī's manuscript)], in I.G. Gumerova (ed.) *Tatarskoe rukopisnoe nasledie: izuchenie i sokhranenie: materialy vserossijskoi nauchno-prakticheskoo konferentsii, posvyashchennoj 130-letiyu S. Vakhidi,* pp. 119–131. Kazan': IIaLI.

Miller, A. (2002) "Rusifikatsii: klassifitsirovat' i poniat'" [Russifications: Classified and Explained], *Ab Imperio* 2: 133–148.

Morozov, D. (ed.) (2005) *Bogoslovskie sobesedovaniia mezhdu Katolikosom Tserkvi Vostoka Mar Timateosom I (727–823) i khalifom al-Mahdi, povelitelem pravovernykh* [Theological colloquys between the Catholicos of the Church of the East Mar Timateus I (727–823) and the Caliph al-Mahdi, the ruler of the faithful people]. M.: Assyrian Church of the East.

Novikoff, A. (2013) *The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice, and Performance*. University of Pennsylvania Press.

Polnoe sobranie sochinenii Ismaila Gasprinskogo [Complete works of Ismail Gasprinsky] (2016). Simferopol: FORMA LLC. Vol. I.

Prozorov, S. (2004) *Islam kak ideologicheskaia sistema* [Islam is as an ideological system]. M.: Vostochnaya literatura.

Prozorov, S.M. (ed.) (1991) *Islam: Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka. Main edition of Vostochnaia literatura.

Sablukov, G.S. (ed.) (1907, 1991) Koran [Quran]. Reprint edition. Kazan, 1907. M.: MIF.

Salihov, R. (2006) "Gabashi, Hasangata" [Gabashi, Hasangata], in S. Prozorov (ed.) *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii: entsiklopedicheskii slovar'. Tom I,* pp. 101–103. Vostochnaya literatura.

Seleznev, N.N. (2018) *Kniga sobesedovaniy Ilii, mitropolita Nisivina, s vezirom Abu-l-Kasimom al-Khuseinom ibn 'Ali al-Maghribi i Poslanie mitropolita Ilii weziru Abu-l-Kasimu*. Kitab al-Majalis Limar 'Iliyia, Mutran Nisibin, wa-risalatuh ila-l-wazir al-Kamil Abi-l-Qasim al-Husain ibn' Ali al-Maghribi [Book of interviews of Elijah, Metropolitan Nisivin, with the vizier Abu-l-Qasim al-Husayn ibn 'Ali al-Maghribi and the Epistle of Metropolitan Elijah to the vizier Abu-l-Qasim]. M.: Griffin.

Shagaviev, D. (2010) *Rol' Shigabuddina Marjani v razvitii tatarskoi bogoslovskoi mysli XIX veka* [Shigabutdin Marjani's role in the development of Tatar theological thought of the XIX century]. PhD thesis. Kazan.

Stroumsa, S. (1999) "Ibn al-Rawandi'ssu' adab al-mujaddala: the Role of Bad Manners in Medieval Disputations", in M. Cohen, S. Griffith, H. Lazarus-Yafeh, S. Somekh (ed.) *The Majlis: Interreligious Encounters in Medieval Islam (Studies in Arabic Language and Literature)*, pp. 66–83. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Tuhvatulin, A. (2003) *Khasan-Gata Gabashi (1863–1936) kak obshchestvennyi deiatel' i istorik* [Hasan-Gata Gabashi (1863–1936) as a public figure and historian]. PhD thesis. Kazan.

Usmanova, D., Mikhailov, A. (2014) *Islam i pravoslavie v pozdneimperskoi Rossii: instituty i sotsial'no-pravovoi status (na primere Volgo-Ural'skogo regiona)* [Islam and Orthodoxy in Late Imperial Russia: Institutions, Social and Legal Status (on the Example of the Volga-Ural Region)]. Kazan: Yaz.

Utyz-Imani, G., Adygamova, R. (ed.) (2007) Izbrannoe [Favorites]. Kazan: TGGPU Publ.

Validov, D. (1923) *Ocherk istorii obrazovannosti i literatury tatar* [Essay on the history of education and literature of the Tatars]. Gos. izdatel'stvo.

Werth, P. (2012) *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziia Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, Non-Orthodoxy, Heterodoxy: Sketches on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. Moscow: New Literary Observer.

Zhuravsky, A. (2014) *Ocherki khristiansko-musul'manskikh otnoshenii* [Sketches of Christian-Muslim Relations]. Moscow: St. Philaret Orthodox Christian Institute Press.